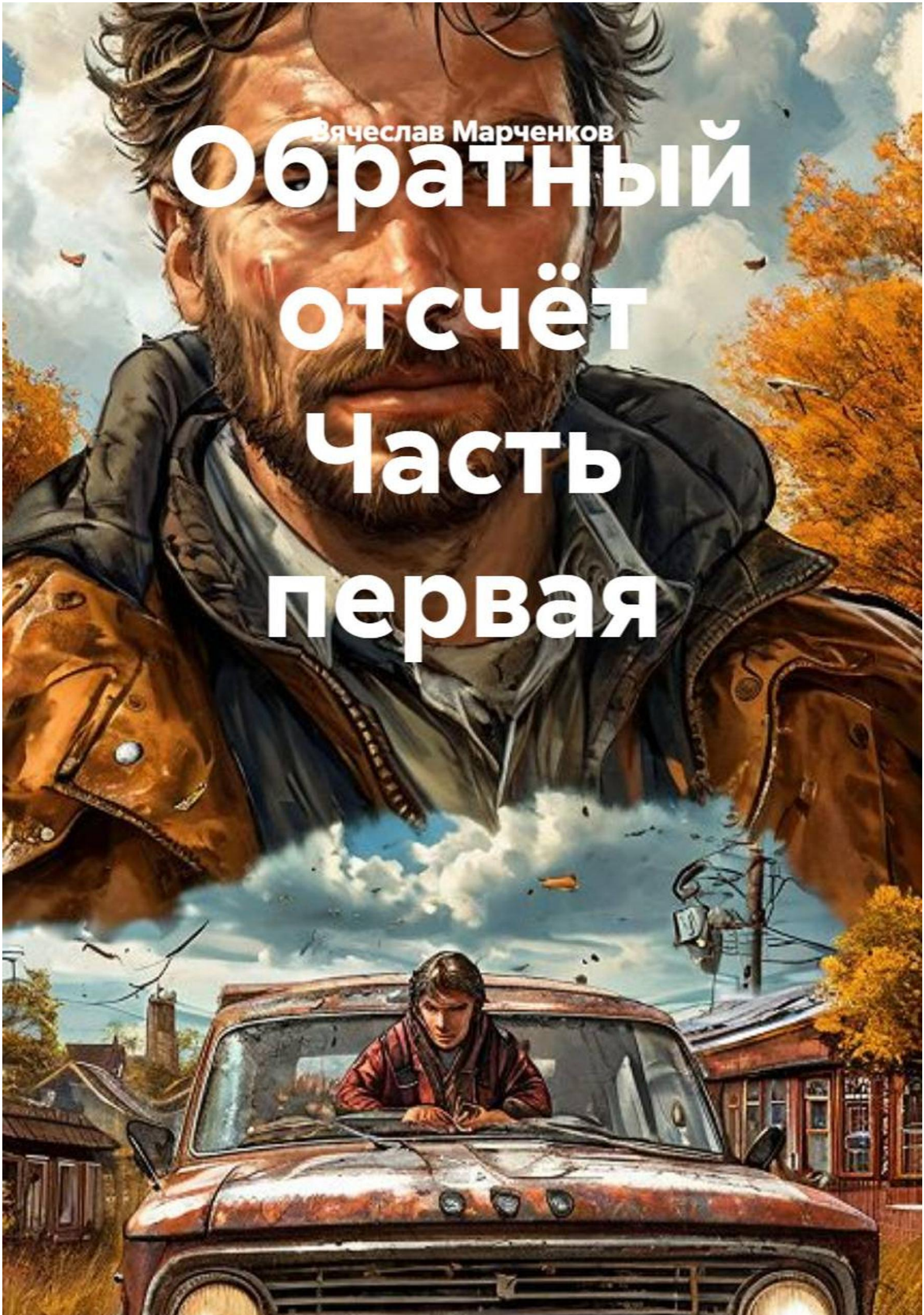

Вячеслав Марченков
Обратный отсчёт
Часть первая

Вячеслав Марченков

Обратный отсчёт Часть первая

«Автор»
2026

Марченков В.

Обратный отсчёт Часть первая / В. Марченков — «Автор», 2026

Это истории человека, вечно недовольного своей судьбой, работой и даже собственной семьёй. Всё меняется, когда он попадает в аварию. Очнувшись главный герой обнаруживает себя в собственном теле во времена СССР, когда ему было двадцать лет. Как сложится его новая судьба? Ведь он знает обо всём, что должно случится в скором времени.

© Марченков В., 2026
© Автор, 2026

Содержание

ПРОЛОГ 5
ГЛАВА 1 8
ГЛАВА 2 10
ГЛАВА 3 12
ГЛАВА 4 14
Конец ознакомительного фрагмента. 15

Вячеслав Марченков
Обратный отсчёт Часть первая

ПРОЛОГ

Солнце садилось, и небо умирало красиво — так, как умеют только те, кто знает, что утром родятся вновь. Пепельно-серый цвет плавно перетекал в тусклое золото, а золотая полоса, истончаясь, дотягивалась до горизонта, где река — узкая, тёмная, равнодушная — несла свои воды к морю, которого человек на краю обрыва никогда не видел. Будто сама вечность пыталась подобрать нужные оттенки для прощального слова — и всё не находила, потому что прощаться всегда труднее, чем встречаться.

Земля под ногами была сухой и потрескавшейся. Трава здесь не росла — или уже не росла; человек не помнил, была ли она когда-то. Обрыв спадал вниз круто, почти отвесно, и у самого подножия река лизала глиняную стену, подмывая её год за годом, с терпением, которому позавидовал бы любой святой. Куски земли откалывались и падали в воду — беззвучно, как падают решения, принятые слишком поздно.

Человек стоял на самом краю. Не старик, не юноша — просто человек, в котором время оставило столько следов, что уже невозможно было сказать, сколько ему лет. Морщины на его лице были не глубокими и не мелкими — они были правильными, как трещины на старой керамике, прошедшей через обжиг не один раз. Руки, спрятанные в карманы потрёпанного пальто, давно перестали дрожать на холоде, хотя холод был — пронизывающий, ноябрьский, из тех, что забираются под одежду и сидят там, как нежеланные гости.

Ветер шевелил полы пальто, и ткань хлопала, словно выцветший флаг над давно забытым гарнизоном. Но он не чувствовал холода. Он давно перестал чувствовать вещи, которые чувствуют другие люди, — холод, голод, усталость. Зато он чувствовал то, чего другие не замечали: вес каждого прожитого дня, тяжесть каждого сказанного и несказанного слова, давление каждого взгляда, отведённого в сторону, когда нужно было смотреть прямо.

Он смотрел вниз — туда, где река, извиваясь между пологими берегами, уносила прочь обрывки дней. Листья, щепки, забытые обещания, обрывки писем, которые он так и не отправил, — всё это плыло мимо, и вода не различала важного и мелкого, для неё всё было одинаково мусором, одинаково текучим, одинаково нестоящим задержки.

Но он-то знал. Где-то там, в глубине этих равнодушных вод, таились его ошибки.

Не те, о которых кричат на перекрестках. Не те, за которые судят и сажают в тюрьмы. Не те, о которых пишут в газетах и обсуждают на кухнях, качая головами. Нет! Его ошибки были тихими, почти незаметными — такими тихими, что сам он не всегда понимал, что они вообще произошли. Слово, сказанное не вовремя — на секунду раньше или на секунду позже, чем нужно. Взгляд, отведённый в сторону — когда кто-то смотрел на него с надеждой, а он смотрел на часы, на небо, на что угодно, только не в эти глаза. Шаг, сделанный не туда — не влево, не вправо, а просто не туда, в сторону от человека, который ждал, что он подойдёт ближе.

Эти ошибки не кричали о себе. Они не требовали возмездия, не являлись ему по ночам в виде кошмаров, не заставляли просыпаться в холодном поту. Нет! Они жили в нём иначе — как корни старого дерева, вросшего в фундамент дома: тихо, медленно, неотвратимо. Они оплетали сердце, врастали в рёбра, пробирались между суставами — и не давали дышать свободно. Не душили — нет. Просто каждый вдох давался чуть труднее предыдущего, и с каждым годом этот «чуть» становилось всё труднее не замечать.

Человек думал о прожитом им времени, о безвозвратно ушедшем прошлом. «Стоит ли вернуться и всё исправить?» — этот вопрос висел в воздухе, тяжёлый и неумолимый, словно

камень на шее утопленника. Не метафора — он действительно чувствовал его вес, физический, давящий, как будто кто-то положил ему на грудь булыжник и ушёл, не оглядываясь.

Он задавал его себе тысячу раз. Но сегодня что-то было иначе. Сегодня воздух казался гуще, чем обычно. Сегодня река звучала не как река, а как голос — низкий, хриплый, говорящий на языке, который он почти понимал, но не до конца. Сегодня закат был не таким, как вчера, — золото в нём было темнее, серость — глубже, и полоска света на горизонте дрожала, будто колебалась, будто ждала чего-то.

Однажды он слышал притчу. Не читал, не смотрел — слышал, из чьих-то уст, в каком-то городе, в какой-то жизни, которая теперь казалась чужой.

Человек, говорила притча, пытался вычерпать море ложкой. Не ведром, не черпаком — ложкой. Маленькой, деревянной, потрескавшейся ложкой, какие бывают на кухне у бедных хозяек. Он вычерпывал — день, два, год, десять лет. Море не убывало. Волны выбрасывали на берег то, что он вычерпал, и он начинал снова. Люди смеялись. «Глупец, — шептали они за спиной, прикрывая рты ладонями, — разве можно вычерпать море ложкой?» А потом, громче, чтобы он слышал: «Разве можно вернуть прошлое?»

Но глупцом казался не тот, кто пытался. Глупцом казался тот, кто даже не пробовал. Тот, кто стоял на берегу, сложив руки на груди, и говорил: «Это невозможно» — и уходил, и жил свою жизнь, и умирал, так и не узнав, что было на дне. Может быть, там не было ничего. Может быть, там была та самая песчинка, изменившая его судьбу. Может быть, сама попытка — и была ответом, а море сдаваться не собиралось, потому что море не сдаётся, это человек сдаётся.

И всё же... разве дело в том, чтобы вернуть? Разве море вычерпывают ради того, чтобы стало сухо? Или ради того, чтобы увидеть дно — хоть раз, хоть на секунду, хоть краем глаза?

Он думал об этом часто. Думал, стоя на обрыве, глядя, как вода уносит листья, щепки, дни. Думал и не находил ответа — но, может быть, в этом и состоял ответ: в самом поиске, в самом вопросе, в самом стоянии на краю с открытыми глазами.

Он закрыл глаза и мир исчез — обрыв, река, закат, ветер. Осталось только тёплое темнота, в которой он мог идти. И он пошёл — назад, сквозь годы, сквозь комнаты, сквозь двери, которые когда-то закрывал слишком поспешно. Он шёл, и шаги его были точными, как будто кто-то заранее проложил маршрут, разложил по обочинам фонари, и каждый фонарь освещал сцену — момент, который он уже прожил, но теперь видел иначе.

Вот он — молодой, двадцать лет, стоит в коридоре больницы, и дверь перед ним закрыта, и за дверью — человек, который ещё не знает, что ему осталось немного. Молодой человек опускает руку, не открывает дверь, разворачивается, уходит. Он слышит шаги — свои собственные, тогдашние, быстрые, трусливые — и теперь, из тёплой темноты, смотрит тому себе в затылок и не может крикнуть, не может дотянуться, не может остановить. Только смотреть. Только видеть.

Вот он — тридцать лет, сидит за столом напротив женщины, которая говорит что-то важное, а он смотрит в окно, за которым идёт дождь, и дождь кажется ему интереснее, чем её слова. Он не слышит. Он не слышит — и это, может быть, самая большая из его тихих ошибок, потому что она сказала «останься», а он услышал «уходи», и ушёл, и не оглянулся, и только через десять лет понял, что было сказано на самом деле.

Вот он — сорок лет, и сын — маленький, с серьёзными глазами — стоит у двери и смотрит, как он собирает чемодан. Мальчик не плачет, не просит, не хватает за рукав. Просто стоит и смотрит. И этот взгляд — тихий, молчаливый, не обвиняющий — тяжелее любого крика. Потому что крик можно забыть, а молчание — никогда.

Он видел всё это — и не мог повернуть назад, не мог изменить, не мог даже моргнуть. Он стоял в тёплой темноте и смотрел, как плывут мимо его собственные ошибки, его собственные несказанные слова, его собственные отведённые взгляды, — и каждая из них была не тем, чем он её считал. Каждая была не катастрофой, не провалом, не падением — а просто шагом.

Шагом человека, который не знал, что будет дальше. Шагом, сделанным вслепую, на ощупь, в темноте — без фонарей, без карты, без кого-то, кто сказал бы: «Не туда».

«Я знаю, что будет, — сказал он тому себе, молодому и горячему, стоящему в коридоре больницы с опущенной рукой. — Но не вини себя. Ты делал, как умел. Ты делал — как умел.»

Тот не слышал. Тот ушёл. Дверь осталась закрытой.

И вдруг — может быть, в этом и был смысл. Может быть, не в исправлении. Может быть, в прощении. Не в переделке прошлого, а в принятии его — как дороги, которая привела сюда, к этому закату, к этому обрыву, к этому тихому пониманию, которое далось так дорого, что девать его некуда, кроме как нести дальше. Жизнь — не черновик, который можно переписать, а песня, спетая лишь однажды. И каждая фальшивая нота в ней — часть мелодии. И каждая пауза, и каждый вдох, и каждый срыв, и каждый уход — всё это ноты, и без них мелодия была бы другой, не этой, не его.

Он открыл глаза и закат почти погас. Небо было уже не серым и не золотым — оно было чёрным, с тонкой, едва заметной полоской света у горизонта, последним вздохом уходящего дня. Река потемнела и сливалась с берегами, и нельзя было понять, где вода, где земля, где небо, — всё было одним, и он был частью этого одного.

Но что, если всё же есть шанс? Что, если прошлое — не застывший камень, а река, в которую можно войти снова? Не та же вода, не тот же берег — но та же река, и можно войти, и можно идти по дну, и можно наконец увидеть то, что лежит там, под тиной и илом, под слоями дней и лет, — увидеть и не отвернуться.

Он сжал кулаки. Ногти впились в ладони — больно, конкретно, по-настоящему. Он чувствовал эту боль и радовался ей, потому что боль означала, что он ещё здесь, что он ещё жив, что он ещё способен чувствовать что-то, кроме тяжести.

На мгновение ветер стих. А потом солнце окончательно скрылось за горизонтом. Осталась полоска — тонкая, как нить, как линия жизни на ладони, как трещина в стене, через которую видно небо. Будто сама вселенная сказала: путь открыт. Не обещая, что будет легко. Не обещая, что будет возможно. Просто — открыт.

И человек понял, может быть, именно в этом — в самом стремлении исправить, в самой попытке понять, в самом шаге с обрыва не вниз, а в вечность — и заключался главный ответ на вопрос, который он задавал себе тысячу раз.

Ответ, который не звучит как ответ. Который не произносится вслух. Который не пишется на бумаге и не высекается на камне. Который просто живёт — как корни старого дерева, которые однажды перестают душить и начинают держать.

ГЛАВА 1

Бескрайнее синее небо манит меня к себе своей бесконечностью, раскинувшись надо мной словно гигантский купол. Складывается впечатление, что оно зовёт меня в свои объятия. Я замираю, запрокинув голову, и всматриваюсь в эту безмятежную лазурь. Как хочется прикоснуться к ней, дотронуться до неё рукою, ощутить её прохладу, стать частью этой безграничной дали, где нет обыденности и суеты, надоевших кислых рож соседей и полных зависти, неизвестно к чему, давних знакомых.

В глубине души поднимается волна тоски по чему-то большему, чем эта повседневность.

- Эх! Бросить бы всё к чёрту! Эту опостылевшую работу, старый КамАЗ с потёртой баранкой, бесконечные рейсы по одним и тем же дорогам и безвозвратно отправиться в космическое путешествие по вселенной! Поменяв свой грузовик на космический корабль с автономным управлением, я бы мчался сквозь звёздные россыпи, минуя галактики, открывая неизведанные миры…

Но, всматриваясь в синюю бесконечность, я останавливаю свой взгляд на встречных фурах, бороздящих просторы моей страны. Они, как и я, упорно движутся вперёд, оставляя за собой клубы пыли или снежную взвесь. И тут же ловлю себя на мысли:

— А как же сын? Пусть он давно уже вырос, стал самостоятельным мужчиной, но без помощи отца ему будет туго. Да и жена… Куда без неё? Как говорится, лошадей на переправе не меняют, а тем паче не бросают. Эх, жизнь!

Я тяжело вздыхаю и, усмехнувшись в отросшие за время командировки усы, вновь возвращаюсь в мечты, туманом окутавшие мою поседевшую местами голову. В воображении возникают причудливые картины: неведомая вселенная, загадочные планеты, их обитатели…

— А всё же интересно, как там в неведомой вселенной живут лунатики и марсиане? — размышляю я вслух. — Неужели, как и я, горбатятся день за днём, чтобы обеспечить своих лупоглазых половинок и большеголовых отпрысков за какой-нибудь литр кислорода или банку азота? Там-то, наверное, нет в обиходе денежного эквивалента, выраженного в рублях либо в другой национальной валюте? Или есть?

От такого вопроса рука машинально лезет к затылку, дабы почесать задавшую нелепый вопрос часть тела, крепко сидевшую на моих плечах вот уже пятьдесят пять лет. Я представляю себе марсианские рынки, где вместо денег обмениваются кристаллами редкой породы или энергией, собранной солнечными панелями. А может, у них вообще нет нужды в обмене? Может быть там, как при коммунизме, всё общее, всё доступно каждому?

— Да!

Вслух протягиваю я, возвращаясь на грешную землю к повседневности.

— Уже больше полтинника тебе, Витя! Давно ли было двадцать? А голова полна глупых мыслей, как и прежде!

Передо мной сразу же вырастает образ покойной матери. Её доброе лицо, морщинистые руки, вечно занятые работой, мягкий взгляд, в котором всегда читалась забота. Она в свои восемьдесят лет как-то призналась мне, когда мы сидели на крыльце нашего старого дома, окружённого яблонями:

— Знаешь, сынок, вот оборачиваюсь назад, а жизнь пролетела буквально одним днём! Как будто не жила, а сон мне приснился. Может быть оттого, что и вспомнить нечего, кроме встречи с твоим отцом и твоего рождения. Вот и все мои памятные даты. А всё остальное словно прелюдия ко сну. Работа, хозяйство, да бесконечные заботы, называемые бытом.

Её слова тогда поразили меня, а теперь, спустя годы, я понимаю их глубину. И снова ловлю себя на мысли:

— А что изменилось? Да ничего! Те же проблемы и те же приятные воспоминания!

Грудь невольно вздымается под напором воздуха, а из открытых губ непроизвольно рвётся на свет:

— Э-эх! Жаль, коротка жизнь! Не успеваешь сделать главного!

Однако, тут же одёргиваю себя:

— А в чём оно заключается, это главное? В работе? В семье? В чём?

Вопрос зависает в салоне фуры, как освежитель воздуха, болтающийся перед глазами на автомобильном зеркале. Он висит там, безмолвный и тяжёлый, требуя ответа, которого у меня нет. На какое-то время мысли отступают, и я равнодушно поглядываю на зимнюю трассу, уходящую вперёд среди заснеженных полей чёрной извилистой змеёй. Дорога тянется до самого горизонта, петляя между холмами и перелесками. Снег лежит ровным покрывалом, лишь местами нарушенным следами шин.

— Вот так же, и моя жизнь!

Возвращаюсь я внезапно к начатой мной теме.

— Извилистая и скользкая, как эта дорога. Даже цели в них одинаковы — добраться до пункта назначения. У трассы это гараж, а у жизни — вечный покой. Однако главного не видно ни в том, ни в другом. Возможно, не заметил его, или оставил, где-то на стоянке, в придорожной кафешке, где пил остывший кофе, или забыл в кабине, когда менял колесо под дождём.

И здесь/, голову посещает нездоровая мысль:

— А хорошо бы всё начать сначала. Лет с двадцати. Ох, и развернулся бы! Поменял бы свою жизнь, напрочь! Посетил бы все страны, о которых мечтал, выучил бы иностранные языки, научился играть на гитаре, написал бы книгу… Жаль, что этому не быть.

Я усмехнулся, воображая себя вновь молодым. Вижу себя двадцатилетним: волосы густые, спина прямая, глаза горят азартом. Я сажусь на старенький мотоцикл и мчусь по шоссе, ветер свистит в ушах, а впереди — целая жизнь, полная возможностей.

Но эфемерное желание растаяло так же быстро, как исчезает утренний туман на рассвете, не дав мечтателю вдоволь им насладиться. Реальность возвращает меня на место: скрип подвески, запах дизельного топлива, гул двигателя.

Громко, словно разрыв вражеской гранаты, из-под кабины послышался глухой хлопок, говоривший о том, что переднее левое колесо пришло в негодность. Руль резко потянуло вправо, машина заскользила по обледенелой дороге. Полуприцеп приблизило к кабине, и последнее, что пришло мне на ум, было горькой иронией:

— Вот и приехали!

ГЛАВА 2

Я лечу, или, может быть, падаю вниз с немыслимой скоростью, а затем так же быстро взмываю вверх, словно подхваченный невидимым вихрем. Странное ощущение: я не ощущаю своего тела. Оно будто растворилось в этом бескрайнем пространстве, оставив лишь сознание, парящее среди небесных просторов. Ни веса, ни сопротивления воздуха не ощущаю, только безграничная свобода и лёгкость, от которой захватывает дух. Оглядываюсь вокруг и замираю от восхищения. Господи, как же красиво! Всюду, куда хватает взгляда, простирается то самое синее безоблачное небо, которым я любовался накануне. Оно кажется ещё более глубоким и насыщенным, словно художник добавил в краску каплю волшебства. Где-то внизу, очень далеко, тёмным пятном виднеется земля. Нет, я её не вижу отчётливо, а просто знаю, что это она, угадываю по едва заметному контрасту на фоне бескрайней лазури. Удивительнее всего то, что мне не хочется лететь к ней. Наоборот, возникает непреодолимое желание подняться, как можно выше, проникнуть в самую суть этого небесного царства, узнать его тайны. Я чувствую, как во мне просыпается первобытный восторг первооткрывателя, готового бросить вызов неизведанному.

И вот, наконец, я достигаю облака, похожего на старинный замок. Оно возникает передо мной внезапно, словно материализовалось из самой мечты. Сотни блестящих, величественных куполов, переливающихся изумрудными и сапфировыми оттенками неизвестных мне красок, виднеются за его белыми, с золотистым отливом, крепостными стенами. Они мерцают, будто усыпаны мельчайшими кристаллами, ловящими и преумножающими свет. В центре этого небесного дворца выделяются величественные врата, охраняемые двумя крылатыми сфинксами. Их фигуры, высеченные из полупрозрачного камня, кажутся одновременно живыми и застывшими во времени. Глаза сфинксов, огромные и мудрые, следят за каждым моим движением, а крылья слегка подрагивают, будто готовые в любой момент расправиться для полёта. Именно к этому чудесному входу тянет меня с неодолимой силой. Я, делая вираж, словно опытный лётчик, нацеливаюсь попасть в него с ходу, но в последний момент ворота внезапно закрываются с тихим, но отчётливым щелчком. Разочарование накрывает меня волной. Инстинктивно я делаю посадку рядом с вратами, хотя «посадка» здесь понятие условное, я просто зависаю в воздухе, не касаясь ничем поверхности облака.

— Почему я не имею возможности попасть внутрь? — спрашиваю я, стараясь сдержать дрожь в голосе. — Ведь мне нужно именно туда. К этим строениям, царственно выделяющимся на фоне синего неба.

Ворота молчат, но я чувствую ответ всем своим существом, он приходит без слов, по-военному коротко:

— Не велено!

— Кем?

Возмущаюсь я, чувствуя, как во мне закипает протест и настоятельно требую:

— Позовите его немедленно! Я чувствую, что меня там ждут! Не знаю кто и зачем, но в том, что ждут, я абсолютно уверен.

И тут я слышу мелодичный голос, который эхом отзывается глубоко внутри меня, затрагивая какие-то потаённые струны души:

— Не спеши! Эти ворота открываются человеческой скорбью и памятью! Зачем торопиться к тем, кто не обременяет тебя обязанностями? А твоя печаль по ним столь мала и смехотворна, что ты достоин иной участи.

Этот ответ звучит так убедительно, что, не решаясь больше спорить, я лишь настороженно жду дальнейших объяснений. Внутри меня нарастает странное чувство, не испытываемое мной ранее. Это смесь тревоги и любопытства.

Голос продолжает говорить, и каждое слово отпечатывается в сознании, как выгравированное на камне:

— Ты ругал свою жизнь. Говорил, что достоин большего. Завидовал богатству и удаче других. Что ж, будь по-твоему! Я решил исполнить твои желания. Но помни! Обретая богатство и удачу, ты будешь терять самое дорогое.

— Что это?

Пытаюсь спросить я, но голос перебивает:

— То, что невозможно купить, но можно предать! Помни…

Он делает паузу, и в этой паузе чувствуется какая-то тяжесть и сомнение в необходимости говорить мне это:

— Что однажды, ты станешь не только баснословно богат, но и беден настолько, что вернуться в прежнюю жизнь не сможешь. И даже я не смогу тебе помочь, потому что каждому воздаётся по его вере, надежде и любви!

Голос умолк, и в тот же миг я, словно сорвавшись с горы, пулей полетел вниз. Ощущение падения было настолько реальным, что перехватило дыхание. В голове всё завертелось, закружилось, будто я оказался на сверхскоростной карусели, которая вот-вот разлетится на части. Пространство вокруг исказилось, цвета смешались в безумный калейдоскоп, а звуки слились в один протяжный гул. Мне, вдруг, стало необъяснимо страшно. Этот страх проник в каждую клеточку моего несуществующего тела, сковал холодом, заставил замереть от ужаса перед чем-то неизбежным. Возможно, именно поэтому я и открыл глаза, вырвавшись из этого видения.

ГЛАВА 3

То, что я увидел перед собой, меня не удивило, потому что я отчётливо помнил момент аварии, ослепительную вспышку, скрежет металла, резкий удар, от которого всё внутри перевернулось, а затем, темнота. Обозрев перед глазами ровный белый потолок с едва заметными трещинами в углу, до меня дошло, что я нахожусь в больничной палате. Но обескуражило меня совсем другое.

С трудом повернув голову вбок, из-за того, что каждое движение мне давалось с мучительной болью, будто мышцы забыли, как работать, я вдруг обнаружил сидевшую на табурете рядом с кроватью маму. Да, это была моя мать. Она с упоением читала какую-то книгу, судя по потрёпанной обложке, это был томик Пушкина. Её лицо, обрамлённое мягкими каштановыми локонами, выглядело так, словно время повернулось вспять. На вид ей было лет сорок пять, не больше. Именно такой я помнил её всегда, молодой, с ясным взглядом и лёгкой улыбкой, готовой появиться в уголках губ.

— Мама! Это ты?

Чуть слышно выдавил я из себя. Мой голос прозвучал так хрипло и слабо, будто принадлежал кому-то другому.

Услышав слабый звук, прозвучавший с больничной койки, где лежал я, она повернула ко мне только глаза, остальные черты лица остались неподвижны, словно она боялась спугнуть момент. А затем, обрадовавшись, по своему обыкновению, нежно пропела:

— Сыночек! Ты очнулся?

Этот тембр я не смог бы перепутать даже во сне. Он звучал так знакомо и мелодично, что на мгновение мне показалось, будто я снова маленький мальчик, прибежавший к маме с разбитой коленкой. Мне захотелось встать, броситься к ней, обнять, почувствовать тепло её рук… Но мама, резко вскочив с табурета, отчего тот скрипнул под её порывистым движением, сделала грозный вид, и, сердито остановила меня:

— А ну-ка лежать! Ишь, чего выдумал. С операционного стола, дай на ноги встать! Ты что, нас с отцом раньше времени в могилу решил отправить?

— С папой?

Недоумённо протянул я, пытаясь собрать разбегающиеся мысли. На что мать, уверенно скрестив руки на груди, заявила:

— С отцом! С кем же ещё? Сосед не станет ночь дежурить у чужого ребёнка. Я его недавно сменила.

После чего, нежно, по-матерински, погладила меня по голове. Её ладонь показалась мне такой чарующе тёплой и чуть шершавой, что на мгновение вновь вернула меня в безвозвратно ушедшее детство. А потому, находясь всё ещё во временной прострации, я, несуразно обстановке, произнёс:

— Что со мной произошло? Какой год ныне?

Мама недовольно качнула головой, поправив выбившуюся прядь волос, но, понимая моё посттравматическое состояние, терпеливо объяснила:

— Я тебя предупреждала, не садись в машину к Жене. Потому как до добра эти поездки не доведут. Ведь он не ездит, а летает на автомобиле, словно на самолёте. Так и произошло! Вы вчера с ним в дерево влетели, да так, что ты головой разбил лобовое стекло. Слава богу, все живы! Тебе только голову зашивали под наркозом, от коего, видимо, так плохо отходишь.

Она внимательно посмотрела в мои глаза, вглядываясь так, будто пыталась прочесть там ответы на невысказанные вопросы. И, увидев в них немой вопрос, тяжело вздохнув, продолжила:

— Да! Крепко ты, мой мальчик, шандарахнулся. Плохи дела, если не день недели потерял, а год вспомнить не можешь. Тысяча девятьсот восемьдесят девятый на дворе, мой любимый сын.

От сказанного мамой в голове потемнело, кровь застучала в висках, а дыхание на мгновение перехватило. Потому, как этот год я запомнил очень хорошо. Именно в восемьдесят девятом я впервые увидел свою будущую жену. Кажется, мы встретились с ней в городской библиотеке. Да, это случилось именно там. Она уронила стопку книг, а я бросился помогать, и наши пальцы случайно соприкоснулись… Да и авария, из-за которой я оказался на больничной койке, осталась в моей памяти надолго.

Днём ранее мы с моим близким другом Жэкой, а по паспорту Евгением, поехали на его машине — «Жигули» третьей модели, рыжего цвета, с потёртым сиденьем и вечно дребезжащей панелью, на встречу с девчонками. Мы так весело болтали, смеялись, строили планы на вечер… А потом, внезапно, резкий поворот, который Женя не успел взять, визг тормозов, и мы, не вписавшись в изгиб дороги, зацепили пассажирской стороной, где, к слову, сидел я, старую, в два обхвата, липу. От сильного удара я вынес головой лобовое стекло, осколки брызнули во все стороны, а затем наступила темнота. Я, тогда, потерял сознание, очнувшись лишь на следующий день в больничной палате.

- Видимо, кто-то наверху решил со мной пошутить, отправив меня в прошлое на этом отрезке времени. Придётся с этим смириться!

Подумал я, сжимая пальцами край простыни, чтобы унять дрожь. Взяв себя в руки и стараясь не выдать охватившего меня смятения, я мельком взглянул на мать и вымолвил:

— У тебя есть зеркало?

— Конечно!

Быстро откликнулась она, и, порывшись в своей вместительной сумке, той самой, на которой она сама вышивала фиалки и носила ещё в мои школьные годы, вытащила на свет заветную вещицу. Не понимая истинной причины моего беспокойства, мама, протягивая его мне, трогательно заметила:

— Ты не волнуйся по пустякам. Швы затянутся быстро. До свадьбы заживёт!

Забирая в свои дрожащие руки зеркало, я, конечно, ожидал от него нечто, что могло меня удивить. Может быть, шрам на лбу или бледное лицо после наркоза. Но никак не предполагал увидеть в нём себя двадцати лет от роду, где была на лице гладкая кожа без морщин, а на голове, тёмные густые волосы без проседи. Кроме всего прочего, я увидел в нём и юношеский блеск в глазах, и тот самый взгляд, который давно потерял, где-то между работой, семейными заботами и бесконечной гонкой за успехом.

ГЛАВА 4

Вскоре после этого навестить товарища в больницу пожаловали и мои друзья. Странно было видеть их, тех самых пацанов, с которыми я провёл лучшие годы юности. Я смотрел на них, как на прокажённых, и не мудрено, ведь в моём будущем многих из них уже не было в живых. Лёха ушёл первым. В девяносто шестом его застрелят на блатной стрелке. Помню, как он менялся на глазах. Ещё вчера полный задора, неутомимый, весёлый Лёха, который мог рассмешить любого, вдруг стал необщительным с былыми друзьями, переключившись на блатных корешей. Поменяв, конечно же, вместе с этим не только былые привычки, но и свои взгляды на жизнь. Видимо, вместе со спортивным костюмом, кожаной курткой и пистолетом в кармане, он решил, что приобрёл ум и положение в обществе, кои отсутствовали, в его понимании, у нас. Все мы занимались спортом, и в погоне за красивой жизнью он отколется от нашей компании первым, став у блатных рэкетиром.

Саня погибнет во второй чеченской войне. Я до сих пор помню телеграмму, которую получили его родители. Юрец, в начале двухтысячного, умрёт от рака желудка. Тихо, незаметно, оставив после себя лишь воспоминания о его заразительном смехе. Но это будет потом, много лет спустя.

Пока же четверо ребят, я был в этом маленьком коллективе пятым, ввалились в палату, одетые будто врачи в белые халаты. Они улыбались во весь рот, выставляя напоказ крепкие, здоровые зубы, пока что белые и ровные, без намёка на будущие беды. В их глазах ещё горела та юношеская беззаботность, которую жизнь сотрёт позже, оставив взамен усталость и разочарование.

Увидев их, мама вежливо поднялась с табурета, аккуратно сложила книгу на прикроватную тумбочку и, поцеловав меня в щёку нежными, влажными губами, строго проговорила:

— Ладно, молодые люди! Я пошла! Не буду мешать вашему разговору, но предупреждаю, не шумите! Больным нужен покой!

После чего, обращаясь лично ко мне, добавила:

- Вечером придёт отец, а я утром тебя навещу!

И только теперь я обнаружил, что в палате лежал не один. Вместе со мной там находились ещё трое таких же бедолаг. Один с загипсованной ногой, второй с перевязанной головой, а третий, пожилой мужчина с кислородной маской на лице. Они лежали молча, наблюдая за происходящим, и в их взглядах читалась смесь зависти и усталости. Наверное, им тоже хотелось, чтобы их кто-то навестил. Лишь только за мамой хлопнула дверь, друзья окружили мою кровать и наперебой поздоровались, а затем, Лёха, как всегда, с острил:

— Витёк, живой! Ну, ты даёшь! Мы уж думали, ты нас там оставил! Ну, рассказывай, как себя чувствуешь?

После коего, заговорил Жэка, тот самый Женя, из-за которого я оказался здесь. Он виновато потупился, потом поднял глаза и сказал:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.